

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт Востоковедения
Российской Академии Наук
Центр Юго-Восточной Азии,
Австралии и Океании

Десятая международная межинститутская
научная конференция

ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Тезисы докладов

Отв. ред.-сост. Панарина Д.С.

Москва
2019

Содержание

Говор Е.В. Российские Анзаки Первой мировой: просопография и электронные ресурсы	2
Маркус Джеймс Спасаясь от коммунизма: община русских беженцев-механиков в Иране и ее переселение в Австралию, 1930–1955 гг.	2
Массов А.Я. «Бунты красного флага»: взгляд в прошлое из Австралии наших дней	3
Николаев В.П. Российские ученые-историки: вклад в австралийскую науку В.Р. Кабо и Е.В. Говор.	4
Скоробогатых Н.С. Гали Плисовская – русская поэтесса в Австралии	5
Рудникова Е.В. Польско-еврейские иммигранты из Российской империи в ранней истории Новой Зеландии	6
Шафранская Э.Ф. История российской миграции в Среднюю Азию: на материале романа Николая Каразина «С севера на юг» (1874–1875)	7
Смирнова Ю.Г. Становление русской языковой личности в ситуации трехъязычия в Казахстане: синхронный аспект	8
Семенченко Н.А. Черкесская община в Израиле	9
Каневская Г.И. Выпускники Восточного института в зарубежье (к 120-летию основания вуза)	9
Загородникова Т.Н. Вильям Оскарович фон Клемм, русский дипломат-восточник	10
Беляков В.В. Дни русской культуры в Александрии	11
Антошин А.В. Периодические издания русских эмигрантов в Северной Африке в начале 1920-х гг.	11
Наземцева Е.Н. Проблемы урегулирования русской пограничной администрацией и китайскими властями межэтнических конфликтов в Алтайском округе Синьцзяна в 1917 г.	12
Кротова М.В. Художник Макарий Федорович Домрачев – «советский эмигрант» в Китае	13
Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Русские в Китае: Этнополитическое взаимодействие (XVII–XX вв.)	14
Хисамутдинов А.А. Русские школьные учебники в Китае (Первая половина 20-го века)	14
Черникова Л.П. Материалы Токийского процесса как источник по истории российской эмиграции в Китае (1931–1945)	15
Соколов А.А. На другой стороне: русские в Южном Вьетнаме, 1960-е – начало 1970-х годов	17
Погадаев В.А. Россияне в Индонезии: открытия историка Е.И. Гневушевой	18
Смирнов С.В. Одиссея донского казака Петра Шевырева	18

Российские Анзаки Первой мировой: просопография и электронные ресурсы

Говор Елена Викторовна¹

Слово «анзак» – аббревиатура наименования Австрало-новозеландский армейский корпус – для австралийцев понятие священное, как для русских – «ветеран». Оно стало популярным в дни первых кровопролитных боев австралийцев в Галлиполи в апреле 1915 г. Тогда же начала слагаться «легенда анзаков», воспевающая единство, стойкость и братство молодой австралийской нации. Вопреки официальной военной истории, которая исходила из постулата, что австралийская армия в годы первой мировой войны состояла почти исключительно из англо-саксов, мое исследование выявило около тысячи уроженцев Российской Империи, воевавших в составе австралийской армии и в Галлиполи, и в Египте, и на Западном фронте. В Австралийской армии бывшие российские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения. Кроме этнических русских, в их число входили представители многих других народов, живших на территории Российской Империи – латыши и эстонцы, евреи и поляки, осетины и украинцы. В результате моего исследования удалось поименно назвать и проследить судьбы всех российских анзаков, представив их историю как просопографию – коллективную биографию. Книга «Российские анзаки в австралийской истории» (Сидней, 2005) рассматривает их судьбы прежде всего в социальном аспекте, как часть австралийской истории. Источниками исследования послужили богатейшие собрания австралийских архивов, а также интервью с детьми и внуками анзаков и их семейные архивы.

Исследование истории российских анзаков продолжилось и после выхода книги. Для этого еще в 2004 году был создан сайт <http://russiananzacs.net/>, где были размещены биографические и служебные сведения о каждом анзаке. Благодаря вебсайту удалось воссоединить ряд семей анзаков, потерявших контакт в годы войны, добавить их воспоминания. Работа над вебсайтом была возобновлена на протяжении четырех лет празднования столетия Первой мировой войны. По каждому анзаку проделано новое детальное исследование с добавлением уточненных биографических данных, портретов, фотографий мемориальных панелей и надгробий. Кроме того, было добавлено множество ссылок на оцифрованные документы архивов Австралии и других стран, помещены электронные копии австралийских газетных статей, ссылки на генеалогические сайты, блоги, и публикации; создана интерактивная карта с местами жизни анзаков до и после войны. Прделанная работа представляет собой попытку продолжающегося просопографического исследования, проводимого в современных условиях массовой оцифровки первичных источников и делающую доступной лабораторию историка для последующих исследователей.

Спасаясь от коммунизма: община русских беженцев-механиков в Иране и ее переселение в Австралию, 1930–1955 гг.

Маркус Джеймс²

В работе рассматривается история общины русских беженцев в Иране в период с 1930 по 1950 годы и их последующее переселение в Австралию и страны Северной и Южной Америки завершившееся в основном к 1955 году. В отличие от других волн

¹ **Говор Елена Викторовна**, PhD, научный сотрудник Австралийского национального университета (Adjunct Research Fellow at College of Arts & Social Sciences, Australian National University), г. Мельбурн, Австралия. E-mail: elena.govor@anu.edu.au.

² **Marcus James**, PhD Research Scholar for Centre for Arab and Islamic Studies (Central Asia and the Middle East), ANU College of Arts and Social Sciences, Australian National University, Acton Australian Capital Territory 2601, Australia. Email: marcus.james@ANU.edu.au.

постреволюционной эмиграции (например, диаспоры, оказавшиеся в Харбине, Шанхае или в Европе), эта группа россиян, бежавших в Иран, до сих пор не привлекла, как кажется, внимания исследователей. Большинство этих беженцев перебралось через границу из СССР в Персию (ныне Иран) около 1932 года, в основном, по-видимому, вследствие кампаний по коллективизации и раскулачиванию в Советском Союзе; многие из них имели профессии механиков, слесарей, ремесленников. Они жили в Иране достаточно долго, чтобы создать свою собственную общину, построить и открыть православную церковь, и воспитать поколение детей, говорящих на русском и фарси. Во время Второй мировой войны многие из них оказали содействие в предоставлении союзнической помощи по ленд-лизу Советскому Союзу через «Персидский коридор», что осуществлялось под контролем Англии, США и СССР. После войны, которая привела к оккупации Ирана Великобританией и Советским Союзом, последовал период нарастающей политической нестабильности и зарождающегося соперничества в холодной войне между Великобританией и Соединенными Штатами с одной стороны, и Советским Союзом – с другой. В этих условиях иранское правительство в конечном итоге дало понять русской общине беженцев, что их пребывание на территории Ирана более нежелательно. В результате практически все эти русские покинули Иран в период с 1950 по 1955 год, переселившись в Австралию и страны Северной и Южной Америки. Данная работа представляет собой предварительное исследование опыта этой диаспорной группы в рамках докторской диссертации, проводимой в настоящее время автором в Австралийском национальном университете в Канберре.

Бунты красного флага»: взгляд в прошлое из Австралии наших дней

Массов Александр Яковлевич³

Сто лет назад, в марте 1919 г. в Брисбене произошли кровавые столкновения демонстрантов, в числе которых были австралийские левые радикалы и члены русской общины города, с патриотически настроенными жителями Брисбена. Эти столкновения вошли в историю Австралии как «Бунты красного флага». Они во многом стали следствием революционной агитации, которую активно вели русские эмигранты-большевики среди своих соотечественников, а также среди австралийских рабочих, призывая австралийский рабочий класс к немедленной социалистической революции. Подобные призывы вызвали протест со стороны австралийских лоялистов, прежде всего солдат-ветеранов, вернувшихся домой после окончания Первой мировой войны и создавших свои организации патриотического толка. Они, как и большая часть австралийского общества, были возмущены выходом России из войны в марте 1918 г., что расценивалось как бесстыдное предательство союзников по Антанте. Возмущение вызывала и политика пришедших к власти в России большевиков, кровавые эксцессы гражданской войны и, как казалось, попытки русских эмигрантов устроить нечто похожее в Австралии.

23 марта 1919 г. в Брисбене проходила очередная демонстрация против сохранения действия Закона 1914 г. О военных предосторожностях. Во главе колонны нес красный флаг один из лидеров русской общины большевик А.М. Зузенко. Толпа разъяренных лоялистов напала на демонстрантов и стала оттеснять их к Русскому клубу в Южном Брисбене. Русские начали стрелять по верх голов нападавших. Полиция, однако, сумела разъединить противников. Назавтра толпа лоялистов собралась вновь и с криками «Вон из Квинсленда всех грязных русских ублюдков!» разгромила Русский клуб, а также окрестные лавки, принадлежавшие русским. В результате волнений пострадало 19 участников беспорядков

---

³ **Массов Александр Яковлевич**, доктор исторических наук., профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, профессор магистерской программы "Исследования Тихоокеанского региона" СПбГУ, г. Санкт-Петербург. E-mail: amassov@gmail.com.

и 14 полицейских. К счастью, дальнейшее развитие кровопролития полиции удалось пресечь.

В Австралии началась своего рода «охота на ведьм». Русских увольняли с работы и подвергали дискриминации. А.М. Зуенко и ряд других левых активистов русской общины были высланы из Австралии. «Бунты красного флага» фактически положили конец революционной волне, поднявшейся было в Австралии под влиянием русской революции 1917 г. и надолго подорвали репутацию России и русских в глазах австралийцев. «Бунты красного флага» – наряду с Эврикским восстанием 1854 г. – всегда рассматривались и российскими, и австралийскими историками, как самое драматическое столкновение в социальной истории Австралии.

Однако в наши дни, когда в связи со столетием в Австралии вновь вспомнили о волнениях в Брисбене, они получили несколько иную оценку. В интервью, которое дали австралийским масс медиа ведущие в Австралии специалисты по событиям 1919 г. историки Р. Эванс и К. Уиндл, «Бунты красного флага» расцениваются не только как беспорядки на почве социальных противоречий. Их рассматривают теперь, прежде всего, как проявление расизма и ксенофобии со стороны белых австралийцев по отношению к людям другой культуры, ненависти к беженцам, попавшим в Австралию в поисках лучшей доли. В реакции австралийских лоялистов на революционную агитацию русских теперь видят попытки «подвергнуть проклятию целое со-общество на основе действий некоторых его членов», что неизбежно порождает насилие и ведет к ужасным последствиям. Такие оценки напрямую увязываются с ростом ксенофобии и, в частности, исламофобии в Австралии наших дней. Оба историка упоминают трагедию в новозеландском Крайстчерче 15 марта 2019 г, повлекшую за собой гибель десятков людей; ее виновником стал австралиец крайне правых взглядов. И Р. Эванс, и К. Уиндл считают, что события в Брисбене столетней давности должны и сегодня служить предостережением для австралийского общества против увлечения национализмом и ненавистью к «другим»⁴.

Несомненно, что элемент ксенофобии присутствовал в событиях 1919 г. в Брисбене, однако вопрос о том, что в них доминировало – социальное начало или иррациональный страх перед чужаками, требуют дальнейшего и притом тщательного научного исследования.

Российские ученые-историки: вклад в австралийскую науку В.Р. Кабо и Е.В. Говор.

Николаев Валерий Павлович⁵

Российские ученые, инженеры, изобретатели, поселившиеся на пятом континенте, внесли заметный вклад в австралийскую науку и промышленное производство. Особенно много в страну прибыло русских высокообразованных людей из Китая после утверждения там коммунистического правительства Мао Цзэдуна в 1949 году. Но и из СССР в Австралию переселялись высококласные специалисты, принося полезные знания и свой опыт. Тому пример научное наследие известного ученого-этнолога, доктора исторических наук Владимира Рафаиловича Кабо и исторические исследования его супруги доктора исторических наук Елены Викторовны Говор. В.Р. Кабо – автор восьми монографий, посвященных изучению аборигенов Австралии, теоретическим проблемам первобытного

⁴ Moore T. 'Sobering reminder': The day Brisbane descended into violent anti-Russian protest // Brisbane Times 23.03.2019. URL: <https://www.brisbanetimes.com.au/politics/queensland/sobering-reminder-the-day-brisbane-descended-into-violent-anti-russian-protest-20190321-p516bv.html>; Watson J. The Red Flag riots unfolded in Brisbane 100 years ago. Experts see similar 'mobilised hatred' today // ABC News. 04.04.2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-04-04/red-flag-riots-and-islamaphobia-australia/10954220> (дата обращения 14.04.2019).

⁵ Николаев Валерий Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, ИВ РАН, г. Москва E-mail: valeriniol@yandex.ru.

общества. Е.В. Говор много сделала для изучения истории российско-австралийских взаимоотношений и российской диаспоры в Австралии. В докладе будут рассмотрены достижения этих двух ученых.

Гали Плисовская – русская поэтесса в Австралии

Скоробогатых Наталья Сергеевна⁶

Мой доклад посвящен памяти замечательной, но очень мало известной на родине, русской поэтессы Галины Евгеньевны Плисовской. Волею судеб она оказалась в Австралийском Союзе (АС), где никогда не забывала того, что ей довелось пережить.

О ней практически никто не писал в России. Отдельные статьи, посвященные Гали (так ее называли в Австралии), выходили в австралийской русскоязычной периодике, там же были опубликованы и ее стихи. Только в 2017 г. на сайтах Смоленской области появились заметки о ее жизни в связи с передачей книги Плисовской в дар землякам. Эти материалы и стали основой для моей работы.

Ее биография – плоть от плоти истории России в XX в., и, как и судьба нашей страны, её жизнь очень сложна и трагична. Родилась она в 1922 г. в г. Демидов Смоленской области в семье настоятеля Благовещенской церкви митрофорного протоиерея о. Евгения (Маркова), расстрелянного в годы репрессий. Во время второй мировой войны Галина и ее мать два с половиной года скитались по селам и дорогам Смоленщины и Беларуси, потом были взяты на работу в Германию. Чудом избежав репатриации, в 1949 г. с матерью, мужем и маленьким сыном она эмигрировала в АС. Галина умерла в возрасте 72 лет в Сиднее в 1994 г.

Стихи стала писать в ранней юности, и, хотя большая часть жизни прошла вдали от родины, но никогда она не забывала того, что с ней происходило. Ее стихотворное наследие обширно: от лирики до публицистики – и отражает все события, свидетелем которых она стала. Лейтмотивом ее творчества можно назвать строки из стихотворения «Плач»:

*«Ох, ты Русь моя, Русь родимая,
Моя родина несчастливая,
На чужбине жизнь коротать дано,
А судьба скорбит по тебе зело.
Улетит душа птицей вольною
В древний отчий храм с колокольнею...»*

Тематика ее творчества – все впечатления долгой жизни. Детство в доме священника, страшный каток сталинских репрессий, голод и ужас сиротства («1932 год»), военное лихолетье («Эхо войны», «Оккупация»). И горький, наотмашь, ответ К. Симонову на его приглаженное «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»:

*«Я помню, Алеша, дороги Смоленщины,
Голодных, оборванных, хмурых солдат,
Не крынки прохладные вынесли женщины,
А хлеба кусок... от голодных ребят...».*

Сполна хлебнув горя от сталинского бесчеловечного режима, Гали бросает в лицо «Правителям Советского Союза после прочтения "амнистии": "Возвращайтесь домой! Родина вас простила!"»:

---

⁶ **Скоробогатых Наталья Сергеевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран ЮВА и ЮТР, ИВ РАН, г. Москва. E-mail: arhip2212@yandex.ru.

*«Я ваши "милости" с презрением отвергаю,
Не я, но вы виновны предо мной!
Я вас в предательстве, в измене обвиняю,
За весь народ, за весь мой Край Родной!»*

В эмиграции, когда жизнь, наконец, наладилась, и никто больше не угрожал ее семье, в глубине души оставалась жить горечь, от которой уйти было невозможно. Ею пропитаны стихи – посвящения близким: почти детское по стилистике «Няне 1932», пронизанное болью до слез «Маме. Зима 1942», задумчивые и грустные строки друзьям «Художнице Лике Груздевой». Зарисовки австралийской природы «Южная ночь» соседствуют с элегическими «Без названия». Но и здесь, на другом краю земли, Галина Евгеньевна сохранила любовь к родине, свою культуру и веру: «Пасха в Австралии», «"Господи, услыши молитву мою..."».

Стихи Г.Е. Плисовской – это великолепный русский язык, традиции классической русской поэзии, искренность чувств и целомудренность души автора. Она стала неким отражением духовного мира послевоенной волны иммиграции – поэтому была так близка и дорога ее современникам. В среде русской общины АС ее не забывают и ныне: спустя 20 лет после ее ухода газета «Единение» опубликовала подборку ее стихов.

Однако возврат замечательной поэтессы в Россию ограничился, главным образом, Смоленщиной, когда в 2017 г. в Демидовской центральной районной библиотеке, на литературном вечере, организованном совместно с приходом Покровского храма, в День Православной книги состоялось знакомство с книгой Гали Плисовской (Марковой) «Стихи», изданной в 1995 г. в Австралии. Название вечера дало стихотворение «Я горький путь – изгнание выбираю». Выступавшие отметили, что перед ними, по сути дела, забытые на родине страницы жизни ее горячей патриотки, оказавшейся в изгнании, но душой остававшейся в России. В ее стихах – вся история нашей страны первой половины прошлого века, пропущенная через сердце. И знаменательно, и отрадно то, что книга ее вернулась в итоге на Смоленщину.

Однако вряд ли ее стихи в ближайшее время большими тиражами опубликуют на родине: нынешнему режиму нужна причесанная, рафинированная история с «шоколадными мужиками» (Г. Успенский), какой нет и следа в стихах Г.Е. Плисовской, пропущенных через страшный жизненный опыт и равнодушные сердце и душу. Ее стихи – по-человечески честное и поэтически-художественное отражение судьбы человека в непростой истории России в XX в.

Польско-еврейские иммигранты из Российской империи в ранней истории Новой Зеландии

Рудникова Елена Викторовна⁷

Первая волна российской эмиграции в Новую Зеландию по своему этническому составу была преимущественно еврейской и польской. После трех разделов Польши Пруссией, Россией и Австрией во второй половине XVIII в. Польша как независимое государство до окончания Первой мировой войны исчезла с карты мира, а Российская империя стала страной с самым большим еврейским населением в мире. Борьба поляков за независимость и внутренние притеснения еврейского населения в России через столетие привели к их массовому выезду за рубеж. Заметное число польско-еврейских эмигрантов из России появилось и в новых британских колониях в южных морях. Подготовленный по заданию новозеландского правительства и в то время строго конфиденциальный список иностранцев и лиц небританского происхождения, прошедших натурализацию к 1917 г.,

⁷ Рудникова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

представляет собой в основном перечень бывших российских евреев – русско-и/или польско-говорящих. Среди них были владельцы и работники торговых лавок, портные, реже – фермеры или разнорабочие, встречаются даже ювелиры. Женщины чаще всего были домохозяйками. Характерной чертой польских иммигрантов был высокий уровень этнического самосознания. Например, при ответе на вопрос о месте рождения они указывали не Российскую империю, а именно Польшу или «Российскую Польшу». Это было присуще и более поздним польским эмигрантам, несмотря на факт их рождения именно в границах империи. В докладе используются автобиографические материалы польско-еврейских переселенцев; характеризуется отношение новозеландских властей к еврейской эмиграции в ранний период истории страны.

История российской миграции в Среднюю Азию: на материале романа Николая Каразина «С севера на юг» (1874–1875)

Шафранская Элеонора Федоровна⁸

Николай Каразин – русский писатель второй половины XIX века. Участник российского завоевания Туркестана, литератор, художник, публицист, этнограф, он оставил в своем творчестве обширный материал, изобилующий фактами русского освоения Средней Азии.

Первоначально его экспедиционные наблюдения за ландшафтом и этносами Средней Азии воплощались в этнографические очерки, публиковавшиеся в российских столичных журналах, с которыми Каразин сотрудничал. После этот материал переключивался, не меняя своей информативной нагрузки, в его романы, рассказы и повести. Каразин был лидером в ряду писателей-беллетристов последних трех десятилетий XIX века, его стиль был узнаваем. Однако в советскую пору творчество Каразина было предано забвению – по идеологическим причинам. Ныне пришло время вернуть Каразина в исторический и литературный процесс.

Ряд его романов (например, «На далеких окраинах», «Погоня за наживой») посвящен деятельности нуворишей по освоению Средней Азии. В опубликованном очерке «Амударьинская ученая экспедиция» (1874) Каразин писал о 1867 году: «Это был год реформ вновь завоеванного края. Понадобились офицеры, чиновники, всякий рабочий люд – и понадобились в огромном количестве. <...> Шутники говорили, что в осень 1867 года было “великое переселение народов из виленских канцелярий в ташкентские”». А вот роман «С севера на юг» (1874–1875) повествует о простых людях, обезземеленных крестьянах, снявшихся с насиженных мест. «Недостаточность пахотной земли исключительно в лесных губерниях» служила поводом к переселению и выдаче пособий переселенцам. «Прямая выгода этого переселения должна была отразиться и на новом крае, где роскошные земли, бывшие до сих пор мертвым капиталом, получили, наконец, возможность разработки»⁹.

Новые земли представлялись переселенцам неким туркестанским Эльдorado, землей благодатной. «Кабаков-то там, трактиров разных видимо-невидимо про этот случай понастроено... гульба, брат, с бабами всласть! Пожил это с неделю, опять к кунакам своим в кочевья... Вольная жизнь! Ни патенту от тебя не требуется, ничего! Другой раз в двадцать годов про паспорт твой никакая собака не донюхается; и при такой слободе – что хошь!»¹⁰.

Общий хор тех, кто откликнулся на манок завоевателей, нарушается редкими голосами скептиков: «Вы, – говорит, – что только делать над собою хотите, головы вы неумные. Бросите, говорит, свою родную сторону, храмы Божьи, могилы отцовские.

⁸ Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, г. Москва. E-mail: shafranskayaef@mail.ru.

⁹ С севера на юг. 1905. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 93.

Молитвы все перебудете в стране той, идолянкой; там, говорит, нечисть и мрак, злато дьявольское... роду нашему, людскому, на смущение!»¹¹.

Когда дошли до «земли благодатной», наступило разочарование, но назад ходу не было: «Совсем изменилась степь супротив прежнего; дорога пошла твердая... <...> Вот и земля пахотная видна; чуть-чуть нацарапана, совсем дрянно, неумелыми, непривычными руками. Только ухмыльнулись мужики, на эту пашню гляючи. <...> Тетка Арина, эка дрянь баба, до вытья охотница, начала сначала было потихоньку, да как заголосила вдруг, разом во всю глотку»¹².

О трудностях жизни русского населения, порой трагических, на новом чужом месте, о непростых взаимоотношениях с местным населением, о рождении нового русского языка, новых русских обычаев в туркестанской земле пойдет речь в докладе.

Становление русской языковой личности в ситуации трехъязычия в Казахстане: синхронный аспект

Смирнова Юлия Георгиевна¹³

Новейшие приоритеты в области лингвистических исследований обусловлены сегодня политическим контекстом и нацелены на взаимопонимание народов, добрососедские отношения между Россией и Казахстаном, диалог национальных культур. В последние годы особое внимание языковеды уделяют человеческому фактору в языке и роли носителя языка как центральной фигуры в коммуникативном процессе.

В Казахстане в течение последних 25 лет менялась парадигма, определяющая роль того или иного языка в жизни общества и страны. Соответственно менялась и языковая ситуация, менялись факторы влияния на языковую ситуацию и носителей языка. В последние 3 года обозначились новые интересные тенденции в этой области, чему посвящен материал данной статьи.

Поскольку род деятельности автора статьи связан с работой в техническом вузе, то соответственно все языковые изменения прослежены на основе наблюдений за студентами полиэтнического технического университета Казахстана как представителями собирательной модели языковой личности конкретной социально-демографической группы.

В статье рассмотрены факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование языковой личности в современном Казахстане. Это экстралингвистические и интралингвистические факторы, а также внешние (социальные) и внутренние (психологические, биологические). К доминирующим факторам можно отнести языковую политику в Казахстане (с 2016 года – это реализация программы трехъязычия, государственный язык – казахский; официальный язык, используемый наравне с казахским, – русский; язык международного общения – английский), конечно же, влияние масс-медиа, городской или сельской среды, региона происхождения конкретной персоны, влияние миграции. Ключевым фактором является престиж и перспективы того или иного, что, безусловно, влияет на предпочтение в выборе языка как средства коммуникации.

В статье представлен обзор оснований, являющихся решающими при выборе в пользу русского языка:

- это популярность российской научно-технической школы, особенно доказательно выглядят лидирующие позиции студентов российских вузов в рейтингах международных олимпиад по информатике, программированию, физике, математике и пр.;

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 103–104.

¹³ **Смирнова Юлия Георгиевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковых знаний Алматинского университета энергетики и связи, г. Алма-Ата, Казахстан. E-mail: yulia19780402@gmail.com.

- набирающие популярность среди молодёжи идеи социализма, которые были реализованы в КазССР, что особенно контрастирует с контекстом негуманного капиталистического устройства современного Казахстана;
- влияние казахстанской интеллигенции старшего поколения, свободно говорящей по-русски и хорошо осведомлённой в области русской культуры, науки, менталитета и пр., на младшее поколение и т.п.

В качестве материала для исследования использовались письменные работы студентов, результаты опросов и анкетные данные русского, казахского и английского отделений Алматинского университета энергетики и связи.

Черкесская община в Израиле

Семенченко Нина Абрамовна¹⁴

В последние годы в среде историков, социологов, политических деятелей и др. все чаще обращаются к вопросам, касающимся Русского зарубежья, Российского зарубежья, соотечественников и т.д. Интерес исследователей истории русской эмиграции постепенно смещается от поиска её ярких эпизодов и ярких представителей к анализу комплекса сложных процессов зарубежной миграции россиян.

Исторически сложилось так, что в такой не большой стране как Израиль, проживает немало наших соотечественников из бывшего СССР, СНГ, Российской Федерации. Некоторые из них можно отнести к Русскому зарубежью, других к Российскому. Все они переселились в Израиль во второй половине XX – начале XXI в.

Но в Израиле проживает еще одна небольшая община, предки которой в результате Кавказской войны XIX в. покинули Российскую империю. Это были черкесы (адыги). Среди тех, кто попал на Ближний Восток, небольшая часть основала два поселения на территории Палестины, территории, которая позже вошла в состав Израиля. В течение десятилетий черкесы сумели сохранить свою идентичность, язык и традиции. Но главное – свою связь, порою виртуальную, со своей Родиной. После распада СССР связь между израильскими черкесами и Кабардино-Балкарией начала восстанавливаться, между ними установились тесные, дружеские отношения, более того, некоторые семьи адыгов даже воссоединились, переехав в Адыгею.

Переезд черкесов в Россию позитивно повлиял на культурную жизнь местных адыгов.

Выпускники Восточного института в зарубежье (к 120-летию основания вуза)

Каневская Галина Ивановна¹⁵

В 1899 г. во Владивостоке был основан Восточный институт (ВИ, 1899–1920). Он стал первым высшим учебным заведением Дальнего Востока и заложил основы практического востоковедения в России. Институт готовил специалистов-востоковедов для работы в Китае, Корее, Японии, что было вызвано расширением контактов с этими странами и осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке в конце XIX века. После Октябрьской революции многим из выпускников ВИ волею судьбы пришлось стать эмигрантами.

¹⁴ **Семенченко Нина Абрамовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, ИВ РАН, г. Москва. E-mail: semnina2008@yandex.ru.

¹⁵ **Каневская Галина Ивановна**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научной лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР. Восточный институт–Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: g.i.kanevskaya@gmail.com.

Особая потребность в востоковедах в начале XX века ощущалась в русском Харбине, который рос и развивался одновременно с Восточным институтом. Геополитический фактор и практические нужды КВЖД и других русских учреждений и предприятий в полосе отчуждения дороги, рост общественного интереса к событиям, происходящим в Китае в начале века, – все, вместе взятое, способствовало концентрации здесь блестящей плеяды русских специалистов-востоковедов. Среди них выпускники Восточного института: И.Г. Баранов, Л.А. Богословский, А.И. Доброловский, И.И. Петелин, Г.А. Софоклов, А.В. Спицин, А.П. Хионин, П.В. Шкуркин и другие, – занимали видное место. В Харбине они работали переводчиками, преподавали восточные языки в русских учебных заведениях или русский язык в китайских школах, одновременно активно занимаясь научной и общественной деятельностью.

Трем из выпускников ВИ во Владивостоке довелось оказаться на пятом континенте. Первым приехал в Австралию в 1915 г. Л.А. Богословский в качестве вице-консула при последнем генеральном консуле Российской империи (1911–1917 гг.) А.Н. Абазе. Другой выпускник ВИ С.Г. Вологодский прибыл из Харбина в 1927 г. Позже в 1960 г. из Китая приехал в Сидней известный синолог А.П. Хионин.

Знакомство с творческими биографиями наиболее выдающихся выпускников ВИ, оказавшихся в зарубежье, позволяют сделать вывод, что деятельность их была широка и разнообразна и может принести достойную славу Восточному институту, питомцами которого они были. К сожалению, о них и об их деятельности еще мало известно на родине.

Вильям Оскарович фон Клемм, русский дипломат-восточник

Загородникова Татьяна Николаевна¹⁶

Вильям Оскарович фон Клемм был «... первым российским консулом на территории Индии». Так определяют в Интернете этого человека, но это далеко не полное описание его дипломатической карьеры.

Он родился в 1861 г., интерес к Востоку определился рано, и Вильям окончил «полный курс наук» Лазаревского института, а затем Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа.

Летом 1885 г. он был зачислен в штат этого департамента, а на следующий год получил свое первое назначение за границу – драгоманом (переводчиком) Политического агентства в Бухаре. Это была прекрасная практика для молодого дипломата: надо было собирать информацию, классифицировать ее и составлять донесения, иногда управлять агентством. Следующее назначение – чиновник МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области. Почти 15 лет службы в Центральной Азии сделали из него специалиста по проблемам Востока. В АВПРИ сохранилось несколько его Записок, например, «Записка о положении в Бухарском ханстве» или вторая Записка о замене саксаульного угля другим топливом из-за хищнической вырубki саксаула.

Следующим назначением Клемма была Индия. Впервые Российская империя открывала дипломатическое представительство в этой части света. В Туркестане Василий Оскарович почувствовал, что такое Большая игра, но в Бомбее, он оказался в ее центре. Колониальная администрация его невзлюбила: он был слишком активен: ездил по стране, встречался с князьями, заводил знакомства в индийском обществе. Перлюстрация писем, постоянная слежка, публикация небылиц о России. Настоящей работы было мало: торговли с Россией не было, регулярного мореходства не существовало, редко суда под российским флагом заходили в гавань Бомбея. Соотечественники редко заходили в консульство.

В конце 1905 г. Клемм получил назначение на пост генерального консула в Мешхед. Там он пробыл около двух лет, а с 24 апреля 1908 г. состоял чиновником особых поручений

---

¹⁶ **Загородникова Татьяна Николаевна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований ИВ РАН, г. Москва. E-mail: TNZAG@mail.ru.

при министре иностранных дел, с 23 мая 1911 г. – непременным членом совета МИД. Несмотря на свое происхождение и германофильство Клемм был назначен заведовать отделом Среднего Востока, которым продолжал заведовать и во время войны.

На мировую войну он смотрел пессимистически. Клемм принадлежал к группе дипломатов-германофилов, которые хотели «перестраховаться» на Германию. Опыт его службы сформировал его как яркого противника Великобритании, но первая мировая война заставила его действовать более завуалировано. После Февральской революции Клемма «попросили» уйти в отставку.

После отставки Клемм отправился вслед за своей семьей в Сеул, где служил родственник его жены. После большевистского переворота В.О. Клемм служил на разных должностях по дипломатической части в правительствах, которые формировались на Дальнем Востоке и в Сибири, работал в администрации КВЖД, сначала в Харбине, потом в Пекине. В 1924 г., после передачи дороги в совместное советско-китайское управление, его уволили. Он переехал в Пекин, где зарабатывал на жизнь уроками и переводами. Скончался 16 сентября 1938 г. в Берлине.

Дни русской культуры в Александрии

Беляков Владимир Владимирович¹⁷

Консолидация в конце 1920-х годов русской эмиграции в Египте сделала возможным ежегодное проведение дней русской культуры как в Каире, так и в Александрии. В северной столице Египта дни русской культуры проводились дважды – в 1928 и 1929 годах. Их устраивал в библиотеке, где хранились оставленные русской графиней книги, П.Я. Добрыня-Конюхов. Он начинал Дни с чтения лекции «Анализ борьбы идей». В докладе будет рассказано как о лекциях П.Я. Добрыни-Конюхова, так и о нем самом.

Периодические издания русских эмигрантов в Северной Африке в начале 1920-х гг.

Антошин Алексей Валерьевич¹⁸

Начало 1920-х гг. стало временем формирования феномена Русского зарубежья, уже многократно описанного в литературе. Одним из регионов мира, где оказались достаточно многочисленные группы русских беженцев, была Северная Африка. Здесь сформировались общественные организации и учебные заведения русских эмигрантов, предпринимались попытки осуществления культурных акций. Как и на других континентах, возникли в Северной Африке и периодические издания, которые выпускались русскими эмигрантскими сообществами.

Ведущее место среди русских колоний в Северной Африке занимал Тунис, где, как известно, оказались корабли русской эскадры, отправленные французами в конце 1920 г. в порт Бизерта. Практически ни один исследователь темы не игнорирует такой интересный исторический источник как «Морской сборник», начавший выходить в 1921 г. в Бизерте. Он печатался на подводной лодке «Утка», командир которой капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев был основателем данного издания и его редактором. «Морской сборник»

---

¹⁷ **Беляков Владимир Владимирович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН, г. Москва. E-mail: beliakov2007@yandex.ru.

¹⁸ **Антошин Алексей Валерьевич**, доктор исторических наук, доцент, профессор, директор Центра исследования миграционных процессов УрФУ, г. Екатеринбург. E-mail: alex_antoshin@mail.ru.

является важным источником для характеристики морально-психологической атмосферы в русской эмигрантской колонии в Тунисе.

Однако, «Морской сборник» не являлся единственным периодическим изданием, выпускавшимся оказавшимися в Тунисе русскими морскими офицерами. В 1922 г. один из руководителей воссозданного в Бизерте Морского корпуса капитан 1-го ранга Кितिцын начал выпускать «Журнал кружка Морского училища во Владивостоке» (преемником данного училища и был Морской корпус). Журнал печатался в литографии Морского корпуса. Однако, вскоре в выходных данных местом его издания уже стал значиться Белград.

Во многом аналогичный характер носило другое периодическое издание, выходившее в 1920–1921 гг. в Египте. Это был литературно-художественный журнал «Донец на чужбине». Он издавался кадетами Донского кадетского корпуса, эвакуированного англичанами из Новороссийска в феврале 1920 г. Они были размещены в лагере возле Исмаилии. Именно там «на правах рукописи» и выходил в 1920–1921 гг. данный журнал. Его редактором-издателем значился В.К. Алимов. В 1921 г., после ликвидации лагеря в Исмаилии, издание было прекращено.

Русские беженцы были переведены англичанами в Сиди Бишр – в то время пригород, а ныне – один из районов Александрии. Здесь в 1921 г. начал выходить журнал «На чужбине». Он печатался на множительном аппарате и был посвящен жизни русских беженцев. В 1922 г., после ликвидации беженских лагерей в Египте, издание было прекращено.

Анализ содержания периодических изданий, выпускавшихся беженцами из России в Северной Африке в начале 1920-х гг., свидетельствует о том, что они являются весьма ценным источником, прежде всего, характеризующим повседневную жизнь тех русских военных, которые оказались в этом регионе в результате Гражданской войны.

Проблемы урегулирования русской пограничной администрацией и китайскими властями межэтнических конфликтов в Алтайском округе Сынцзяна в 1917 г.

Наземцева Елена Николаевна¹⁹

К 1917 г. во взаимоотношениях русской пограничной администрации и властей китайской провинции Сынцзян возникли значительные проблемы. Среди них – проблема русской колонизации Алтайского округа. Согласно Петербургскому договору, русские могли приобретать землю и недвижимость в городах Китая, где располагались российские консульства. Однако русские крестьяне и промышленники в конце XIX – начале XX вв. постепенно проникали и оседали в Китайском Алтае: на Черном Иртыше, Кабе, Чонкуре и в других местах. Вопрос о выселении русских из пределов Алтайского округа в 1913 г. поднял местный князь Палта, его преемник Лю Чанбин предпринимал многочисленные попытки изгнать русских из округа. Согласно отчету секретаря российского консульства в Шара-Сумэ прапорщика артиллерии Мошкина, который по специальному заданию русского консульства совершил поездку по всем русским поселкам Китайского Алтая, к 1917 г. в Алтайском округе Сынцзяна находилось 9 русских поселков. Их население составляло около тысячи человек. Среди них достаточно большое число было русских старообрядцев. Помимо этого, некоторые крестьяне, проживая в России, также арендовали пашни и сенокосы в Китайском Алтае.

Причинами миграции русских крестьян в Китайский Алтай были увеличение населения в Русском Алтае, стремление староверов и других сибирских старожилов

---

¹⁹ Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник в Научно-исследовательском институте военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИВИ ВАГШ ВС РФ), г. Москва. E-mail: elenanazz@mail.ru.

обособиться от новоселов, прибывающих из внутренних губерний европейской России в ходе аграрного переселения, отсутствие естественных и искусственных преград на границе и наличие в Китайском Алтае обширных хлебородных пространств с мягким климатом, слабость китайской власти, наличие русских вооруженных сил и консульства в Шара-Сумэ.

Однако между русскими колонистами и местными китайскими киргизам возникали постоянные конфликты, которые нередко приводили к кровопролитию. Их урегулирование было необходимым условием сохранения стабильности в приграничных регионах Китая и России во время революционного кризиса.

Художник Макарий Федорович Домрачев – “советский эмигрант” в Китае

Кротова Мария Владимировна²⁰

Среди русской диаспоры в Китае в первой половине XX века была категория людей, о которой говорится нечасто – это советские граждане, проживавшие в Китае (Харбине, Пекине, Шанхае, Тяньцзине и других городах). В некоторых китайских документах о них говорится как о «советских эмигрантах». Большинство из них приняли (восстановили) советское гражданство уже в Китае, другие прибыли в Китай из СССР и по разным причинам остались там.

В статусе «советского эмигранта» оказался и Макарий Федорович Домрачев (1887–1958) – известный театральный художник, проживший в Китае с 1924 по 1945 гг. Он выехал с женой в Харбин осенью 1924 г. для работы в театре Железнодорожного собрания КВЖД вместе с группой ленинградских артистов. Уехав ненадолго, М.Ф. Домрачев «задержался» в Китае на 20 лет. Первые годы работы в Харбине были очень плодотворными – несколько десятков оформленных спектаклей известных режиссеров, гастрели в Японию, сотрудничество с театром миниатюр «Петрушка». В 1929 г. он переехал в Шанхай, затем с 1932 г. преподавал в Институте национальных искусств (Institute National of Arts) в Ханьчжоу до 1937 г. В 1937–1944 гг. он работал в Шанхае – оформлял спектакли, преподавал.

Вернувшись в феврале 1945 г. в СССР через Читу, Макарий Федорович с 1945 по 1956 гг. работал в должности главного художника Новосибирского театра оперы и балета, затем ему удалось выехать в Ленинград. Его личные материалы родственники Домрачева передали в ЦГАЛИ СПб, здесь в фонде 410 хранятся документы Макария Федоровича и его жены с 1915 по 1965 гг.: эскизы костюмов и декораций к театральным постановкам, зарисовки архитектуры и мебели Китая, рукописи, заметки, записные книжки, письма, фотографии. При изучении документов личного фонда М.Ф. Домрачева обнаружилось подробности жизни и деятельности художника в Китае, обстоятельства его возвращения и попыток «встроиться» в советскую жизнь.

Судьба М.Ф. Домрачева была, с одной стороны, типичной для многих «советских эмигрантов», чья жизнь оказалась тесно связана с драматическими событиями российской и китайской истории, с другой стороны, его история уникальна – он смог реализовать себя как художник в Китае, а затем по возвращении на родину – в СССР.

---

²⁰ **Кротова Мария Владимировна**, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург. E-mail: mary_krot@mail.ru.

Русские в Китае: Этнополитическое взаимодействие (XVII – XX вв.)

**Аристова Людмила Борисовна
Семенова Нелли Кимовна²¹**

Доклад посвящен зарождению и развитию российско-китайских этнополитических взаимоотношений в период с XVII в. до начала нового времени. Освещается период первых, исторически зафиксированных, контактов и постоянного поселения русских в Китае, создание русской духовной миссии в Пекине, Российской дипломатической миссии. Одним из значительных событий, ставшим отправной точкой массового освоения китайской территории русскими, стало начавшееся в 1898 г. строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Анализируются экономические и политические причины нескольких волн русской эмиграции в Китай после 1917 г. Освещается малоизученный период 1937–1940 гг., когда в Китае работала большая группа советских военных специалистов: военные летчики, инженеры, инструкторы по разработке военных операций и по переподготовке китайских военнослужащих; специалисты, задействованные на строительстве военных аэродромов.

Авторы рассматривают вопросы исторических и политических причин и следствий возникновения и угасания русской диаспоры в Китае, особенности ее социального состава, анализируется численный состав во взаимосвязи с историческими событиями. В исторической ретроспективе показаны основные вехи во взаимодействии двух народов, участие русских в заметных событиях китайской истории, их вклад в политику, экономику и культуру Китая. Русская община в Китае оказала, в основном, позитивное влияние на русско-китайское этнополитическое взаимодействие и на развитие экономики северных китайских провинций.

Русские школьные учебники в Китае (первая половина 20-го века)

Хисамутдинов Амир Александрович²²

Доклад посвящен российскому школьному образованию в Китае в первой половине 20-го века, начало которому было положено строительством Китайско-Восточной железной дороги. Создав сеть начальных и средних учебных заведений, обучение в которых было основано на принципах дореволюционной образовательной системы России, русские педагоги-эмигранты успешно обучали не только эмигрантских детей, но и юных китайцев, прививая им любовь к русскому языку и культуре. Используя источники зарубежных архивов и периодическую печать, автор описывает русскую школьную систему в Китае и дает сведения о наиболее известных педагогах. Разделы сообщения: Дорога в русскую школу в Китае (введение), Харбинское образование, Русское образование в Шанхае, Школа в Тяньцзине, Дайренская школа, Русская школа в Ханькоу, русские учебники в Китае.

---

²¹ **Аристова Людмила Борисовна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: aristova3@gmail.com.

Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра экономических исследований Института востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru.

²² **Хисамутдинов Амир Александрович**, доктор исторических наук, заведующий отделом научно-исследовательской работы ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: khisamut@yahoo.com.

Материалы Токийского процесса как источник по истории российской эмиграции в Китае (1931–1945)

Черникова Лариса Петровна²³

Краткая аннотация доклада. 73 года назад, 3 мая 1946 г., в Токио начал свою работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), который иногда называют вторым или Дальневосточным Нюрнбергом. Его заседания проходили в течение почти двух с половиной лет, до 12 ноября 1948 г. Этот трибунал был учрежден 19 января 1946 г. в результате соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Нидерландов. Затем к соглашению присоединились Индия и Филиппины. Из представителей всех этих стран и был сформирован трибунал. Державы, подписавшие Потсдамскую декларацию и присоединившиеся к ней, рассматривали справедливое наказание японских военных преступников как важное условие прочного мира, демократизации государственного и политического строя Японии²⁴. Представителями СССР на этом процессе выступили член Военной коллегии Верховного Совета СССР генерал И.М. Зарянов, член-корреспондент Академии наук СССР С.А. Голунский, государственные советники юстиции А.Н. Васильев, Л.Н. Смирнов²⁵. Также дополнительными обвинителями были назначены Полковник юстиции С.Я. Розенблит, член-корреспондент АН СССР Деревянко и других²⁶.

Историография темы. Первая советская историческая публикация относится к 1977 г., т.е. после 30 лет самого события²⁷. Токийским процессом, прежде всего, интересуются и до сих пор его изучают разного ранга юристы и военные историки²⁸. Поскольку их исследования, как правило, касаются различных юридических и процессуальных тонкостей, вырабатываемых в ходе процесса и установленных принципов открытого военного суда, международного права и т.д., материалы этих исследователей интересуют нас в части различного рода статистики и датировки тех или иных решений и процедур, а также возникших в ходе работы Трибунала разногласий и голосований ввиду различной практики разных стран, разнobia в видении подхода и результатов процесса, видения разной стратегии и, по сути, отсутствия коммуникационных площадок между различными судьями и представителями, а также бюрократическими взаимоотношениями между участниками. Так, например, в ходе Процесса представителям США, Великобритании понадобились для допросов депортированные в СССР в августе-сентябре 1945 гг. японские преступники, содержащиеся в различных лагерях советской страны. Вместо выдачи советские органы и Кремль несколько месяцев решали вопрос – что можно взамен потребовать от американцев и британцев, чтобы выдача военных преступников не произошла «запросто так»²⁹.

Исследования такого рода развивают историю уголовного права и криминологии, уточняют теорию квалификации военных преступлений. Авторы, как правило, подчеркивают, что законодательные и судебные решения по делам о военных

²³ Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН, г. Москва. E-mail: larisa-che@mail.ru.

²⁴ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Страницы Токийского процесса // Вопросы истории, № 1. Январь, 1977. С. 107–121.

²⁵ Катасонова Е. Токийский Нюрнберг. Депонированная рукопись: 01.09.2016. // Материалы интернет-портала Минобороны России. URL: [@cmsArticle; Степанов П.П. Военные преступления, совершенные на территории СССР // Союз криминалистов и криминологов, № 1–4. М.: Изд-во ООО "НБ-Медиа", 2016; Мартынов В.Е. Итоги войны // Электронный научно-образовательный журнал «История», № 52. М., Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью "Интеграция: Образование и Наука", 2015. 18 с.](http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798)

²⁶ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока; и другие; АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37.

²⁷ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч.

²⁸ Катасонова Е. Указ. соч.; Степанов П.П. Указ. соч.; Мартынов В.Е. Указ. соч.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Л. 1, 124, 184.

преступлениях, совершенных на территории СССР, оказали большое влияние на послевоенное международное уголовное право.

Не обошли вниманием тему и публицисты. Николай Невский написал блестящую статью³⁰, по сути, пересматривающую сами принципы Процесса. Автор использовал новые исследования японистов и профессионалов-историков, работавших в зарубежных архивах и рассматривавших материалы иного происхождения³¹. Согласно концепции, почерпнутой из указанных исследований, автор пришел к выводу, что «Использование концепции “заговора против мира” позволило посадить на скамью подсудимых людей, не принимавших непосредственного участия в планировании войны или ведении боевых действий. Такие преступления, как “развязывание агрессивной войны”, были определены Союзниками уже после окончания Второй мировой, поэтому их нельзя применять к деяниям военного и довоенного времени: закон не имеет обратной силы». Достоинством публикации являются многочисленные редкие фотографии японских преступников, фото с заседаний, неудавшееся самоубийство одного из японских милитаристов. «По мнению филиппинского судьи Пала, – пишет журналист, – обвиняемых следовало полностью оправдать. Впоследствии японцы по достоинству оценили его позицию: после смерти Р. Пала в январе 1967 г. при храмах в Токио и Киото были установлены два монумента в его честь». Автор подвергает сомнению справедливость Токийского трибунала. «С одной стороны, – пишет он, – его нельзя назвать абсолютно беспристрастным и юридически точным. Но если копнуть глубже, он был не столько судом над отдельными людьми, сколько попыткой законодательно закрепить недопустимость национализма и ставшей его следствием военной агрессии»³².

Материалы АВП РФ. Все сомнения такого рода развеиваются после знакомства с материалами самого процесса, содержащимися в 15 увесистых папках и хранящимися в Архиве Внешней политики Российской Федерации, и доступных с середины 2000-х годов³³. Вопреки устоявшимся стереотипам, Токийский процесс рассматривал не только преступления японской военщины, но и вовлечение в устанавливаемый оккупационный режим многих народов, проживающих в трех северо-восточных провинциях Китая, Монголии и Корее. Материалы содержат множество различных подробностей дальневосточных событий, начиная с попыток Японии установить контроль над Квантунской областью и русско-японской войны, затем дается анализ японской интервенции во Владивостоке и окрестностях, планы японской военщины относительно Приморья. И так, постепенно, дается анализ русско-японских и русско-китайских отношений на Дальнем Востоке, планах сторон и притязаниях Японии на российские, китайские, монгольские и корейские территории. Случайно заказанные материалы открыли для нас целый пласт новых источников по истории русской эмиграции в Китае. Здесь дана оценка русского населения по половозрастному, численному, политическому составу в Маньчжурии и развертыванием КВЖД с российской администрацией и освоением края.

В первую очередь, советское обвинение представило трибуналу многочисленные доказательства по разделу «Агрессия Японии против СССР».

Тезисно лишь перечислим некоторые разделы этого обвинения: Организация японского общества «Кокусаку-Кенкью-Кай»; Будущее советской территории; Как можно использовать местное население в административном управлении; Ожидаемая будущность народов СССР; Спецкомитет окт. 1941 г.; Маньчжоу-Го и Восточные территории СССР; Монгольское государство; Северный Сахалин и Сибирь; КВЖД, окружение, хунхузы; Насильственное занятие станций, зданий и помещений. Шпионско-диверсионные вылазки;

³⁰ Невский Н. Хитросплетения Токийского процесса // Wargaming.Net. 12 ноября 2015 г. Сетевой журнал. 2014–2018 Warspot.URL: <https://warspot.ru/4420-hitrospleteniya-tokiyskogo-protsessa>.

³¹ Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990; Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948). М., 2005; Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007; Совастеев В.В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток, 2008.

³² Невский Н. Указ. соч.

³³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока; и другие.

Переход в советское гражданство; Вопросы границ; Озеро Хасан; Нападение на Монгольскую Народную Республику и Халхин-Гол; Отряд 731; и самое главное: «Полковник юстиции С.Я. Розенблит. Планы нападения на СССР, разрабатывавшиеся японским генеральным штабом во время советско-германской войны»³⁴. Непосредственно по материалам эмиграции в материалах имеется характеристика деятельности эмиграции в контексте подчинения и коллаборации с японцами, сведения о русских организациях эмиграции, попытки сотрудничества с ат. Семеновым (и выдержки из его допроса) и продвижение японской политики в отношении русских эмигрантов (полное подчинение, выплата повышенных налогов, мобилизация в военные отряды с последующим участием в военных действиях против СССР, участие в политической партии Кио-Ва-Кай), а также выдержки из протокола допроса К. Родзаевского (главы Русской Фашистской партии) по действиям японцев по русскому и советскому населению в Маньчжурии.

На другой стороне: русские в Южном Вьетнаме, 1960-е – начало 1970-х годов

Соколов Анатолий Алексеевич³⁵

В первой половине XX века во Вьетнаме, который тогда был французской колонией и назывался Индокитай, сформировалась небольшая русская колония. Она состояла, в основном, из бывших граждан Российской империи, приехавших сюда из Франции и Китая. Большинство из них работали в различных французских государственных организациях и частных компаниях.

После окончания Первой Индокитайской войны (1946–1954) Франция завершила своё колониальное присутствие во Вьетнаме, практически все живущие здесь русские уехали в метрополию или в другие страны.

После подписания Женевских соглашений в июле 1954 года страна оказалась разделенной на две части – коммунистический Северный Вьетнам и проамерикански ориентированный Южный Вьетнам. Позднее между ними начинается продлившееся два десятилетия политическое и вооруженное противостояние. В этом конфликте, который приобрел международный характер, активно участвовали США и их союзники. В составе прибывших в Южный Вьетнам вооруженных сил США и Австралии были и потомки русских эмигрантов. Они принимали непосредственное участие в военных операциях против партизан и гражданского населения. Среди раненых и погибших американских и австралийских военнослужащих были и этнические русские.

Также следует упомянуть и бывших советских граждан, оказавшихся вовлеченными в события Второй Индокитайской войны. Это – Николай Хохлов, бывший советский разведчик и ставший советником южновьетнамского президента Нго Динь Зьема, и Григорий Климов (Калмыков), бывший советский офицер, работавший инженером на строительстве военного аэродрома в Южном Вьетнаме (впоследствии он стал известен как автор конспирологических книг «Имя мое легион» и др.).

---

³⁴ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока; и другие.

³⁵ **Соколов Анатолий Алексеевич**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, ИВ РАН, г. Москва. E-mail: ansokolov@mail.ru.

Россияне в Индонезии: открытия историка Е.И. Гневушевой

Погадаев Виктор Александрович³⁶

Историк Елизавета Ивановна Гневушева (1916–1994), являвшаяся учеником и биографом академика А.А. Губера, более 30 лет проработала доцентом кафедры истории стран ЮВА и Дальнего Востока Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (ныне ИСАА). Она читала курс новой истории Индонезии, была автором многочисленных статей и разделов по Индонезии в учебниках истории стран Азии и Африки, статей и книг об А.А. Губере. Однако, ее главные интересы были связаны с поиском россиян, посетивших Индонезию в XIX – начале XX вв. с научной целью или по воле случая оказавшихся и проживавших там некоторое время. Среди них как известные ученые и путешественники (Н.Н. Миклухо-Маклай, А.Н. Краснов, К.Н. Давыдов, В.Н. Арнольди и др.), так и россияне, о пребывании которых в Индонезии ей удалось впервые обнаружить в ходе ее кропотливой работы в российских и советских архивах (В.П. Малыгин, участвовавший в 1894 г. в антиколониальном восстании на о. Ломбок; И.Т. Благоев, строивший в 1920-х гг. порт в Сурабайе и др.). Не редко за находками в архивах следовали ее полевые исследования. Значительное внимание уделила Е.И. Гневушева судьбе А.С. Эстрина и его этнографическим коллекциям, которые он привез из Индонезии. Часть ее находок описаны в ее работах, в том числе в книге «В стране трех тысяч островов» (1962) и в многочисленных статьях, опубликованных также на иностранных языках. Часть же остались неопубликованными и хранятся в ее архиве. Значение работ Е.И. Гневушевой бесспорно: они позволяют выявить роль россиян, которые внесли весомый вклад в развитие далекой страны и способствовали созданию там положительного имиджа России, а также заложили основы будущих дружественных связей между Россией и Индонезией.

Одиссея донского казака Петра Шевырева

Смирнов Сергей Викторович³⁷

Жизненный путь войскового старшины Донского казачьего войска П.М. Шевырева являет собой типичный пример судьбы тысяч русских военных эмигрантов, ставших наемниками в армиях многих государств мира.

В юности Петр Митрофанович (1894 г. р.), уроженец станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа, не мечтал о военной карьере. После окончания в 1912 г. реального училища в Новочеркасске он поступил на учебу в Харьковский технологический институт. Однако начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война кардинально изменила жизнь Шевырева. Как и многие другие молодые казаки он был призван на военную службу и направлен Войсковым военным управлением в Новочеркасское казачье училище, которое окончил в мае 1915 г. в чине прапорщика. Воевал на Западном фронте в составе 4-го Донского казачьего графа Платова полка, являясь командиром взвода. В конце 1916 г. сотник Шевырев был ранен и пленен под гор. Зольдау на севере Польши. Однако вскоре из плена бежал и уже в январе 1917 г. был определен на излечение в Центральный военный госпиталь в Москве. Оправившись от ранения, сотник по приказу Донского наказного атамана продолжил службу в 57-м Донском казачьем полку. Известие о захвате власти большевиками Шевырев встретил по дороге в Эрзерум в составе приемной комиссии Кавказского фронта, пытался возвратиться в 57-й полк, но не смог и уехал на Кубань.

³⁶ **Погадаев Виктор Александрович**, кандидат исторических наук, преподаватель Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва. E-mail: povial@yahoo.com.

³⁷ **Смирнов Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского гуманитарного института им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru.

В апреле 1918 г. подьесаул Шевырев вступил в ряды Донской армии генерала П.Х. Попова, но вскоре перешел в отряд полковника М.Г. Дроздовского бойцом-офицером 2-й Донской казачьей сотни (эскадрона) Конного полка (позднее – 2-й Офицерский конный полк 3-й Офицерской генерала Дроздовского стрелковой дивизии Добровольческой армии и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион Русской Армии генерала П.Н. Врангеля). В этом полку Петр Митрофанович, произведенный в 1919 г. в чин войскового старшины, прослужил вплоть до эвакуации Крыма, занимая должности командира взвода и помощника командира эскадрона.

Оказавшись в составе интернированных частей Русской Армии в Галлиполи, Шевырев, как и многие русские офицеры, не имея денежных средств и четких перспектив дальнейшей жизни, завербовался во Французский Иностраный легион, чему командование Русской Армии не создавало особых препятствий. В состав легиона в Галлиполи завербовалось около трех тысяч человек. При этом французское командование сильно обмануло русских волонтеров, не сообщив сведений ни об условиях службы, ни о жаловании. Французы обещали направить русских офицеров на Ближний Восток, в армию, которая вела бои в Киликии, однако почти все они оказались в Северной Африке.

Французский Иностраный легион существовал с 1831 г. и участвовал во всех колониальных кампаниях Франции. В начале 1920-х гг. основные подразделения легиона размещались в Алжире и Марокко, а также в Сирии. В начале 1922 г. Шевырев из Стамбула прибыл в гор. Сиди-Белль-Аббес в Алжире, являвшийся базовым пунктом легиона, где был определен в школу младшего комсостава как знавший французский язык. Осенью того же года войсковой старшина в чине капрала получил назначение во 2-й пехотный полк легиона, сформированный в 1907 г. и расквартированный в Марокко, а позднее перевелся в 4-й пехотный полк, существовавший с 1920 г. и также размещавшийся в Марокко. В середине 1920-х гг. подразделения Иностранного легиона принимали активное участие в Рифской войне (1921–1926).

По окончании пятилетнего контракта Шевырев в 1927 г. подал рапорт о переводе его в 5-й пехотный полк легиона, дислоцированный во Французском Индокитае. В последующие 1928–1931 гг. он в чине сержанта являлся командиром взвода 3-го батальона легиона в городе Тонг. Летом 1931 г. Петр Митрофанович возвратился в Северную Африку, где полгода служил в саперной роте в Алжире, а позднее командиром взвода одного из подразделений легиона в Сирии. В 1938 г. Шевырев вновь перебрался в Индокитай.

В течение своего второго индокитайского периода войсковой старшина служил в гарнизонах, расквартированных на территории Тонкина и Лаоса, участвовал в войне с Сиамом (1940–1941), инициированной королевством с целью захвата Французского Индокитая после поражения Франции в войне с Германией. По окончании войны с Сиамом Шевырев служил в Тонкине, в 1944 г. окончил интендантские курсы при штабе Французских колониальных войск и некоторое время являлся начальником продовольственного склада в одном из городов Северного Вьетнама.

В марте 1945 г. японское военное командование в Индокитае, опасаясь вторжения войск антигитлеровской коалиции в страну после того, как французский губернатор Индокитая признал Временное правительство Французской республики, отдало приказ об установлении полного военно-политического контроля над этой территорией. Часть французских колониальных войск, включая подразделения Иностранного легиона, оказали японцам упорное сопротивление, но потерпели поражение. Лишь небольшая часть военных на севере Индокитая сумели пробиться на территорию Китайской республики. Шевырев в марте 1945 г. находился в Сайгоне, где был интернирован вместе с другими французскими военными служащими японскими властями и находился до конца войны в одном из концлагерей.

После окончания Второй мировой войны П.М. Шевырев принял решение о возвращении на родину. В 1946 г. он уволился из легиона и выехал в Шанхай, являвшийся в это время крупнейшим репатриационным центром для русских эмигрантов на Дальнем Востоке. В Шанхае войсковой старшина принял советское гражданство и вскоре был

репатриирован в Советский Союз. Родина встретила бывшего белого офицера далеко не так приветливо, как рисовалась эмигрантам в Шанхае, вскоре он был арестован. Закончилась одиссея донского казака в одном из лагерей ГУЛАГа.